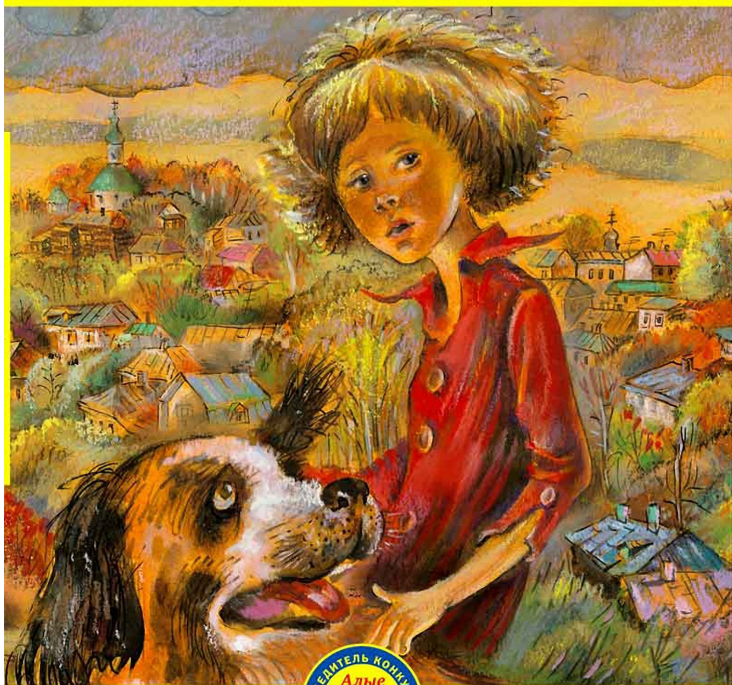

мариэтта чудакова

дела и ужасы жени осинкиной

Портрет неизвестной в белом

Мариэтта Омаровна Чудакова
Портрет неизвестной в белом
Серия «Дела и ужасы
Жени Осинкиной», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=325112
Портрет неизвестной в белом: Время; Москва; 2010
ISBN 978-5-9691-1076-2

Аннотация

Эту неожиданную для себя и для читателей книгу написала Мариэтта Чудакова – знаменитый историк русской литературы XX века, известный в мире биограф и знаток творчества Михаила Булгакова. Увлекательное, остросюжетное повествование об опасных приключениях юной героини и ее верных друзей – Вани-опера, Тома Мэрфи, Скина, Фурсика и многих других – начинается в первом романе трилогии «Тайна гибели Анжелики», продолжается во втором – «Портрет неизвестной в белом» и заканчивается в третьем – «Завещание поручика Зайончковского».

Реальная Россия наших дней, реальный риск, реальные опасности, самое реальное злодейство и самые подлинные самоотверженность, мужество и благородство – вот что

привлекает к этим книгам и восьмилетних, и шестнадцатилетних читателей...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мариэтта Чудакова

Портрет

неизвестной в белом

© Мариэтта Чудакова, 2010

© Вера Коротаева, иллюстрации, 2010

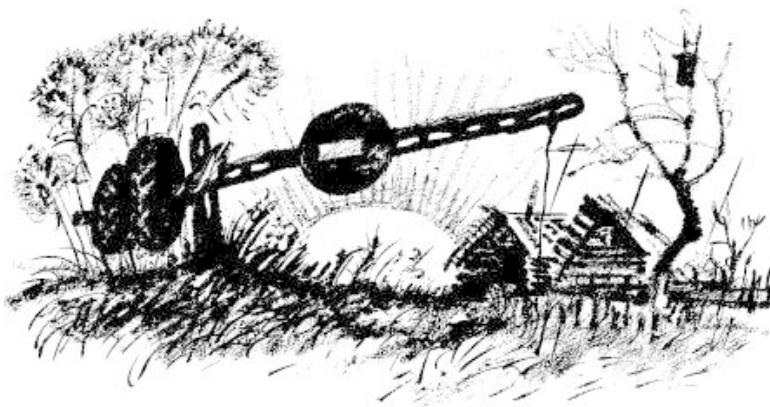
© «Время», 2010

* * *

*Евгении Астафьевой
с любовью, верой и надеждой*

Глава 1

Заржавленный шлагбаум

Въезд в Омск произошёл отнюдь не на рассвете и совсем не так, как предполагалось.

Потом, когда Саня и Леша проводили разбор полетов, они пришли к выводу, что все началось с этого моста через Ишим, ремонтируемой дороги и объезда, в который послали их гаишники (или, как теперь следовало говорить, хотя это глупо и язык сломаешь, гибэдэдэшники).

Коротко говоря, часа в два с небольшим ночи, то есть в самую, хоть и недолгую, летнюю темень, вместо того чтобы выбраться на федеральную трассу и двигаться по ней к Ом-

ску, путешественники оказались на узком проселке, петлявшем в немыслимой глухомани.

Попетляв минут двадцать, они вдруг почти уперлись в опущенный шлагбаум. С двух сторон от него виднелись ряды колючей проволоки.

– Это чего, Калуга? – ошарашенно спросил Саня. – Мы куда заporолись-то?

Леша, пригнувшись к рулю, всматривался в сто лет не крашеный металлический шлагбаум. И увидел то, чего ожидал, – высунулось дуло. И вслед за ним раздался голос – надо сказать, не очень уверенный, а скорее даже растерянный, – во всяком случае, не такой, какой подобает часовому:

– Стой, кто идет?

– Тут что, воинская часть, что ли? – спросил Саня Лешу и сам ответил: – Не-а. Не похоже.

Слегка развернувшись, Леша осветил фарами большой

стенд слева от шлагбаума.

На нем они увидели следующее: ярко-красными буквами была выведена отнюдь не выцветшая, а явно заботливо подновляемая надпись: «Совхоз „Победа социализма“», ниже – портрет Леонида Ильича Брежнева с молодыми густыми бровями, им обоим, в отличие от их пассажиров, до боли знакомый. Еще ниже – плакат: «Слава доблестным советским воинам-интернационалистам, сражающимся за свободу и независимость Афганистана! Смерть американским захватчикам!».

А к нижней рейке прикреплен разворот свежей газеты, по формату – бывшей, советского времени, заводской малотиражки. Бросался в глаза крупный заголовок – «Правда».

– Ну все, Калуга, концы – у меня крыша едет, – пробормотал Саня и прибавил шепотом несколько неразборчивых слов.

– Стой, стрелять буду! – крикнул голос, обретя некоторую уверенность.

Леша высунулся слегка из окна и сказал миролюбиво:

– погоди стрелять, братишка, у нас дети в машине. Ты лучше покажись нам и объясни – куда мы попали-то? Мы вообще-то в Омск едем.

Вдруг он ловко выскочил из машины и пошел прямо к стенду.

– Газетку хочу почитать, – объяснил он голосу, оторопевшему Саню и темному лесу, обступавшему их. И начал читать

вслух: – «Продолжаются жестокие бои советских воинов-интернационалистов, сражающихся за освобождение Афганистана...»

– Чего? – крикнул Саня. – Какие бои в Афгане! Калуга, ты чего?!

– Санек, гляди, наши, оказывается, еще Пандшерское ущелье берут!

– Ты че, Леха, – жалобно сказал Саня, видя, что друг на глазах повредился в уме. – Мы еще при Горбачеве оттуда ушли...

– Выходит, не ушли! – хохотнул Леша, не отрываясь от газеты. – Вон и Брежнев жив-здоров, его с 96-летием трудящиеся поздравляют. А газетка-то, между прочим, сегодняшняя.

Почитав еще минут пять про себя, он резко повернулся к шлагбауму, где, невидимый Сανε, замер обладатель голоса.

– Выходи, сержант, поздоровайся с однополчанами! Заодно расскажешь, что у вас тут творится, что ты такое охраняешь.

И невысокий мужчина в камуфляже, того же примерно возраста, что Саня и Леша, выступил из тени, понутив голову.

Тут выскочил из машины и Саня, успев сказать пассажирам, чтоб они до его команды оставались на месте:

– Человек с ружьем, понятно? Мы с Лехой сначала разберемся.

Трое «афганцев» молча обменялись рукопожатиями.

– Курить будешь, браток? – коротко спросил Леша часового, доставая сигареты.

– Обкурился уже... – невнятно пробормотал тот, явно еще не придя в себя. Он узнал обоих однополчан. Помнил их с тех давних лет не только в лицо, но и по имени.

Саня и Леша молча закурили. Взял сигарету и часовой, прикурив от любимой Лешиной зажигалки в виде пингвина.

Женя – как, впрочем, и Том, – не отрывала глаз от всех троих. Прошло, по ее наблюдениям, не меньше полутора минут в молчании. (У Жени в голове всегда отстукивал время невидимый секундомер – часов она не носила, довольствуясь будильником, противно верещавшим по утрам).

Когда Леша и часовой докурили и почти одновременно бросили окурки, первым снова заговорил Саня.

– Мать-то твоя жива, сержант?

– Пять лет как умерла, – выдавил из себя часовой.

– А чего? Не старая ж была, наверно?

– Болела...

– Семей-то обзавелся?

– Нет.

– А кто у тебя есть?

– Сестра только...

Докурил сигарету и Саня, затушил желтыми от этого самого многолетнего тушения пальцами окурков, швырнул и тщательно втер в землю своей огромной кроссовкой.

– Ну ладно, – сказал он решительно. – Открывай шлагбаум. Сами увидим, что тут у вас.

И Леша с Саней, резко, как по команде, повернувшись, пошли к машине.

Двигаясь как во сне, часовой пошел открывать. Заржавленный шлагбаум со скрипом поднялся, и «Волга» медленно въехала под него.

Глава 2

Как победил социализм

Уже слегка светало, и неверный предутренний свет давал рассмотреть улочку с покосившимися домишками. Ехали медленно, хрустя по гравию.

Скрипнула калитка, висевшая на одном гвозде, и показалась маленькая старушка с пустым ведерком.

– Ой, матушки!.. – и она выпялилась на машину так, будто жила в дебрях Амазонки и четырехколесное чудовище увидела впервые.

Но тут же память поколений взяла верх над испугом, и старушка залопотала:

– Ох, уж не серчайте, что с пустым-то вам навстречу!..

Том, всегда проявлявший интерес, как было уже отмечено, к языку, принял во внимание необычное для городских жителей, но чем-то очень симпатичное ударение на первом слоге – «с пустым».

– Ничего, мамаша, мы не пугливые, – отозвался Леша. – Доброе утро!

– Доброго утречка вам! – и старушка торопливо закланялась в пояс.

Саня и Леша вышли из машины к ней навстречу. А бывший сержант одного из четырех полков 103-й десантной ди-

визии 40-й армии – того самого, в котором полтора года провоевали в Афганистане и Саня с Лешей, – следовавший за машиной, механически переставляя ноги, теперь застыл как истукан.

– Что, мамаша, не спится? – спросил Леша.

– А я позднее четырех никогда не встаю, – хвастливо ответствовала старушка. – Кто рано встает, тому Бог подает.

– Как вы поживаете-то тут, мамаша? – осторожно начал расспросы Саня. Леша в это время взглядом разведчика озирал местность.

А Женя и Том молча во все глаза смотрели в окно машины, не решаясь покинуть ее без приказа. Мячик же продолжал сладко спать, уткнувшись носом в щель между спинкой сиденья и правой дверцей.

– Хорошо поживаю, сыночки, лучше и взыскивать не надо!

– А что хорошего-то? – еще более осторожно, чтобы не спугнуть ценного информанта, продолжил Саня.

– А все! Все-все у нас хорошо! А все Леонид наш Ильич, дай Бог ему ждоровья! – умильно прошамкала она, и Саню, побывавшего в разных переделках и неспособного, кажется, ничем смутиться, прошиб холодный пот.

– Кому, мать, здоровья? – весело осведомился Леша, оказавшийся более прочным на излом.

– Дак Брежневу, родному нашему, кому же ишшо? Девяносто шесть годков отметили! – похвасталась она. – Живем при нем как у Христа за пазушкой, – надо бы лучше, да некуда!..

Саня повернулся к заднему окну машины.

– Жень, водичка есть там у тебя?.. – охрипшим голосом спросил он.

Женя испуганно протянула ему бутылку. Она не все понимала, но чувствовала, что происходит что-то странное. Брежнев – это имя явно было из истории, вроде одного из первых русских авиаторов Уточкина.

Саня, булькая, вылебал полбутылки и обратился к бабусе почти свежим голосом:

– Какой же Брежнев, мамаша, – он ведь умер давно?..

– Что ты, что ты, сынок, окстись! – старушка перекрестила Саню широким крестом. – Что ж ты, газет, что ли, не чи-

таешь? А может, ты, сынок, из заключения? Там, говорят, ничего не сообщают, что на воле-то деется...

– Нет, мать, – продолжая веселиться, ответил за него Леша. – Он с воли.

– Ну дак знать должен. Это ж все вороги наши придумали.

– Так похороны-то по телевизору показывали. Я сам видел. Еще гроб-то не удержали, стукнули одним углом!..

– Дак это ж не его, – старушка взмахнула на них обеими руками, как на несмышленишей, болтающих неведь что, – подмененного хоронили! Дерьмократы ж придумали!

– Чего-чего? – тут и Леша стал потихоньку терять равновесие.

– Ну враги-то народа! Что ж вы, неученые, что ли? Сталин-то истреблял их, истреблял, да не всех успел – самого его, родимого нашего, супостаты извели. Ну вот...

Старушка явно входила во вкус, напоминая уже сказительницу. Такую привозили однажды в Лешину школу. В темном сарафане и подпояске, она, подпершись рукой, так здорово рассказывала сказки, что ей кричали: «Еще! Еще!» – и никак не хотели отпускать.

– Секретарь-то поселкома все нам рассказал. Да и в газетах описывают как есть, вы ж жнать должны, – опять упрекнула собеседница.

– Да у нас газеты, наверно, другие. Расскажите нам, мамаша, – попросил Леша.

– Каки-таки другие? У нас газеты одни – советские! По

всему Советскому Союзу одно пишут! Одна газета – «Правда»! Рази кому позволят свою неправду писать? За это ж посядут сразу! Сра-азу! – с видимым удовольствием протянула старушка.

– Ну, расскажи, мать, про Брежнева-то! – подключился Саня.

– Чего с ним дерьмократы-то ваши сделали? – весело подхватил Леша.

– Каки-таки – «наши»? Таки ж наши, как ваши!.. Вот подхватили они яво, голубчика, под белы рученьки...

– У-у-у, – завыл Саня, давясь. Он живо представил себе белы рученьки генерального секретаря компартии.

– ...и запрятали от народа. И объявили народу, что – умер, мол. А вместо яво в гроб уложили настоящего покойника...

– А как же, мамаша, политбюро-то промолчало? И на мавзолею стояли, и гроб несли под стену...

– Дык не знали! А кто знал – того подкупили!

– А кто подкупал-то?

– Дык дерьмократы, говорено ж вам!

– Кого подкупили – политбюро?

Старушка несколько опешила. Верховный орган партии, под которой прошла жизнь, подкупленным в ее сознание как-то не вписывался.

– Ково надо было, того и подкупили! – сказала она сварливо.

– А потом-то что было?

– Потом, – снова сладко заулыбалась говорливая собеседница, – потом сумел Леонид Ильич выйти из своего полона, дерьмократов всех разогнал, Горбачева, – ну, кто задумал-то все это! – под расстрел подвел... И снова власть взял – на благо, значит, народа.

Стало понятно, что Андропов и Черненко, каждый понемножку поцарствовавшие в промежутке между Брежневым и Горбачевым, выпали в осадок старушкиного курса новейшей истории России.

– И не жалко было? – спросил Леша, давно вошедший во вкус разговора.

– Кого?

– Да Горбачева-то. У него ж жена была любимая, дочка, внучки... А расстреливают-то когда – это ж, мать, живой человек превращается в холодный труп. И учти – насовсем. Это тебе не на учениях.

– Его жалеть? Супостата окаянного? Да я б его, кабы силы, своими руками разорвала!

– А Ельцина – тоже? – весело спросил Леша.

– Какого еще Ельцина?

Прояснилось, что старушкины часы встали до 1990 – 1991 годов. Это уже становилось интересным.

– А за что ты, мать, разорвать-то его хотела? – поинтересовался Саня.

– Дак все у нас отнять вздумал было!

– Что – все-то?

– Да все! Фабрики, заводы... И энти... недра!

– Мать, – не выдержал Леша, пока теперь уже Саня крутил головой и хохотал, – а у тебя что было-то?

– Чего? – не поняла старушка.

– Ну что у тебя-то лично Горбачев отымал? Ты чем владела-то? Фабрикой какой? Кондитерской, что ли?

– Чего – фабрикой?.. Что я – фабрикантша, что ли?

– Так он у тебя вот эту твою развалюху, что ли, отнять хотел? А она кому нужна-то?

Старушка стояла, вытаращив глаза, явно сбитая с толку.

Саня потянул увлекшегося Лешу за рукав.

– Да ладно тебе, Калуга... Ты лучше у коммунистов наших, мужиков молодых, спроси про фабрики. Чего ты к бабушке пристал? Расскажите лучше, мамаша, как вы сейчас-то живете?

– Дак говорила ж вам, – снова вошла старушка в распевный сказительский ритм, – живем – лучше не надо. Картошечка своя, морковка своя, соль и спички в лавке всегда есть. Вот – пальтишечко по ордеру мне выдали – двенадцать годков уже ношу. Сносу нет! – старуха выставила обтерханный край рукава. – Только бы войны не было!

Саня взял Лешу за плечо и повел по улице дальше. Но Леша успел все же крикнуть:

– С кем войны-то, мать?

– Как с кем? – удивилась старушка. – С мериканцами, с кем же еще-то? Только и думают, как нас унистожить!

– Да мы сами себя лучше всех *унистожим*, – уже себе под нос пробормотал Леша, удаляясь от словоохотливой собеседницы скорыми шагами.

– А мы? – жалобно крикнула из машины Женя. – Нам выйти можно?

– Вам? – переспросил Саня и повернулся к часовому, давно покинувшему свой пост. – Ты как, служивый, в себе? Ну-ка дай мне от греха Калашникова.

Саня ловко выхватил у однополчанина, так и не проронившего за время этой содержательной беседы ни слова, автомат, миг проделал что нужно, вернул часовому уже в безопасном виде и обернулся к машине.

– Теперь, Женя, выходи! И ты, Том! Только за нами идите, без нас – никуда. Я тут еще не разобрался, на этой местности.

Женя и Том в мгновение ока выкатились из машины и пристроились за водителями. Сплоченная группа интуристов начала медленный путь по поселку.

Глава 3

Цветочки

Уже заметно светало, в листве деревьев, стеной обступавших поселок, слышался шорох, возня, неясное воркование – просыпались птицы. Пробирали утренний холодок.

Из соседнего со старушкиным дома, такой же развалюхи, выбежал босиком мальчик лет восьми с льяными, до белизны выгоревшими за лето, спутанными со сна волосами – видно, по неотложному маленькому делу. Завидя чужих, он так и застыл, ухватясь рукой за резинку трусов.

– Чего встал, генерал? – крикнул Леша. – Давай-давай, делай свое дело – да не тут, за домом! – и выходи к нам, разговор есть.

Мальчик резво забежал за дом и быстро вернулся. Но близко к калитке не подошел, смотрел испуганно.

– Вы оттуда? – спросил он наконец и неопределенно махнул рукой в сторону дороги. – А как вас пропустили-то – без комбинезонов?

– Каких еще комбинезонов?

– Ну... засситных...

– От чего защищаться-то, генерал? – серьезно спросил Леша, вглядываясь в мальчика.

– Дак там жа спидом все заражоно!

– Где – там?

– Дак везде! Только Москву засси... защи... зассити-ли... Там чисто... Потому выходить отседа никуда нельзя. В Москву только можно – на самолете...

Он вздохнул. И слушавшим его стало ясно, что вздыхает мальчик о своей давней и несбыточной мечте – билете на самолет в Москву.

Том отметил про себя, что мальчик, как и старушка, говорил «дак» (она, правда, еще говорила «дык») вместо «так». Еще ему почему-то понравилось, как мальчишка сказал «за-

ражно» вместо «заражено». В смысл же сказанного Том вдуматься еще не успел.

– Так, – сказал Леша и посмотрел на часового. У того лицо давно приобрело окаменелый вид – точь-в-точь как у тех, кто стоит на посту у Могилы Неизвестного солдата.

– Ой! – вскрикнула вдруг Женя, впервые за все время подавшая голос. – Цветочки какие красивые!

И показала рукой – за огородами мальчикова домишки виднелось алое поле.

– Так, – повторил Леша, глянув на поле, – почему-то уже грозным тоном. – Веди, служивый, показывай цветочки.

Часовой двинулся вперед, по-прежнему, как робот, переставляя негнущиеся ноги, и все потянулись за ним. Мальчик, забыв про СПИД, вышел за калитку к пришельцам и пошлепал за ними босыми ногами, замороженно таращась то на одного, то на другого.

Пришельцам было еще невдомек, что он впервые в жизни увидел не местных.

Вскоре их взгляду открылось большое маковое поле. Покачивая крупными головками, маки нежно алели сплошным ковром. Однако, приглядевшись, легко было различить ряды.

Мак не был дикорастущим. Кто-то посадил его правильными рядами, полел и поливал.

Леша шагнул к ближайшему рядку и увидел то, что ожидал. Стебли были надрезаны, по ним стекал белый сок.

Глава 4

Ягодки

Медленно, как в кино, Леша повернулся всем туловищем к часовому и заговорил очень тихим голосом. Но почему-то от звука его голоса у ни в чем не повинного и не робкого Тома душа ушла куда-то в пятки. И ему вдруг захотелось в тот же миг убежать и спрятаться подальше.

– И кто же тут сбытом наркоты занимается? Ты, что ли?

– Не я, – впервые за долгое время заговорил часовой. И голос его странно выдавливался из горла, будто часового душил кто-то во время разговора. – Не я, а сам...

Голос осип и совсем пропал.

– И где этот *сам*? – грозно, уже возвысив голос, спросил Леша.

Женя, ничего совершенно не понимая, переводила взгляд с одного на другого. Саня же весь подобрался, и показалось на миг, что на плече его повис невидимый Калашников.

– Скоро подъехать должен из города...

– Когда – скоро?

– Через сорок минут подъедет точно.

– Охрана у него большая? – отрывисто продолжал допрос Леша.

– Не-а. Один только. Но... как сказать? Многих стоит.

– Чего? Ты толком говори! – Леша повысил голос.

– Здесь тебе тоже не учащиеся музыкальной школы собрались, – ввернул свое слово Саня. – Ты, сержант, нас не пугай, а то у меня уже штаны... – тут Саня взглянул на Женю и осекся. – Кто такой, охранник-то этот гребаный?

Саня опять покосился на Женю, но посчитал, что слово он выбрал цензурное (хотя охранник заслуживал совсем другого), и этого достаточно.

– Чего пугать, – бормотал часовой, а сам был бледен и затравленно озирался. – Уходить вам надо, братцы, вот что. И вас, и меня положат. Отморозок он... Два раза сидел. Говорят, в 95-м под вышку шел – она еще была тогда, – да другого подставил. К нам сюда недавно пришел. Хвастался, что зимой девушку какую-то убил – по заказу, за большие деньги. Где-то под Курганом, что ли.

Тут Женя широко открыла свои круглые глаза, а Том рот приоткрыл от внимания.

– А хозяин, – продолжал часовой, с трудом ворочая будто присыхающим к гортани языком, – тоже не хуже. Ему сам черт не брат... И в городе у него все схвачено. Он такими объемами наркоты ворочает, что его никто не тронет – ни милиция, ни прокурор. Он всех прикормил, весь город. Ничего с ним никто не сделает. Говорю – уходить вам надо. Вон дети с вами, – он кивнул на вылезшего из машины и протирающего глаза Мячика, который после непомерно долгого сна вообще мог сойти за дошкольника, – они и их не пожа-

леют...

– А что, сержант, – сурово заговорил Леша, – ты им можешь, что ли, однополчан кончать?

– Да что – «поможешь»! – выкрикнул вдруг часовой. – У нас с вами один Калашников на троих!

– «У нас с вами» – это другой разговор, – удовлетворенно подытожил Леша. – А у них что – много оружия с собой?

– Ну наркоту же возят – сами понимаете! – неизвестно почему оживившись и даже размахивая руками, повествовал часовой. – Два Калашникова у них с собой и Макаровых штуки три. И боекомплектов полмашины.

– А какая машина-то?

– Джип бронированный – как у инкассаторов. «Форд».

– За рулем у них кто?

– Сам же и за рулем. Никому не доверяет. А этот справа сидит...

– Как его зовут-то, который справа?

– Имя-фамилию не знаю, а так – Харон.

– Харон? – удивился Саня. – Что это за кликуха такая? Никогда не слышал. На блатную не похожа.

– Оружие на коленях? – отрывисто осведомился Леша.

– Ну да. Калаш всегда при нем. На въезде-то он его в ноги кладет, тут они опасности не ждут никакой – старики, женщины да дети... Три парня были, начали рыпаться, так Харон их в лес увел – и с концами...

– Как это – увел? А чего они пошли-то – их же трое, го-

воришь, было?

– Так по одному уводил, – неохотно ответил Часовой.

– Понятно... Другие думали – их не тронет, верно?

– Верно... У двоих дети были. За детей боялись.

– А где дети-то их?

– Здесь и живут.

– Так что они тут – рабство, что ли, ввели?

– Можно и так назвать...

– И сколько ж здесь рабов этих проживает?

– Да человек сорок. И детей штук десять. Не учатся – только на грядках. И всем еще велят мак жевать. Они и ходят вполпьяна, только лыбятся. Собирают сок этот, тут же и обрабатывают... Хозяин с Хароном в город наркоту везут, а из города – продукты, одежду... Ну, пасту зубную, мыло стиральное...

– Жвачку?.. – добавил почему-то Саня.

– Не, это не привозят. Только то, что при советской власти было... Ребята тутошние и не знают про жвачку-то...

Женя и Том уже оба стояли с приоткрытым ртом, как на иллюстрациях в книжке для малышей.

А Мячик в этот разговор не встречал и даже скорей всего его не слышал, потому что тем временем нашел общий язык с мальчишкой. У того не сходил с физиономии жгучий интерес к невиданным гостям. Но Мячика он особо выделил, потащил обратно к своему дому, вынес к калитке крынку парного молока утренней дойки, и теперь тот пил, запрокинув

голову и явно наслаждаясь. Городского «нормализованного» молока Мячик не признавал: считал его *обратом* – тем полностью обезжиренным молоком из-под сепаратора, которым поят телят.

– Так что – тут никто не знает, что ли, что советская власть лет десять как спеклась? Или только старушка эта чумная? – спросил Леша.

– А откуда? Телевизоры они все поразбивали, приемники отняли. Про мобильники тут и не слышал никто...

– А газетку-то эту кто выпускает? Что Брежнев жив-здоров и в Афгане с американцами воюем?

– В городе журналюги нашлись. Он им платит как следует, они и пишут чего ему надо. Дома у одного и делают – теперь ведь типографии не нужны, на компьютере все сделать можно, – проявил часовой понимание новой реальности. – Газета в одном экземпляре выходит – больше-то ему не надо, только на стенд повесить.

Все трое помолчали. Леша с Саней переваривали информацию.

– А как хозяина-то зовут? Фамилия есть у него?

– Есть, наверно. Только я не знаю. Ни к чему мне. Хозяин и Хозяин. Он у них секретарем поселкома считается. А раньше секретарем райкома здесь был. Коммуняка.

– А с каких пор тут связь-то с внешним миром порвали?

– Да с 1988-го или 1989-го... Про Ельцина уже не слышали. Знают только, что дерьмократы все хотели у народа от-

нять, а Брежнев не дал...

– И ты эту дурь с оружием в руках поддерживаешь? – Сания взглянул на бывшего однополчанина с нескрываемым отворачиванием.

– У меня на то причина есть, – с неожиданной твердостью ответил часовой.

– Ну что, Калуга? – спросил Саня. – Брать будем?

– Другой вариант не просматривается, – медленно и задумчиво произнес Леша.

– Вы что, мужики? Положат они вас, – жалобно сказал часовой. – Уезжайте, говорю. Мне и так плохо придется – след-то вы оставили... Уезжайте! Они в Англию наркоту посылают. Тут такие деньги крутятся – они за них глотку вырвут.

– Ничего, у нас глотки крепкие, – хохотнул Саня. – Небось не вырвут.

– Вперед мы у них когти вырвем, – так же медленно сказал Леша. – И вместе с лапками. Ты вот что, сержант, – ты все-таки введи нас в курс дела напоследок, перед боем...

При этих словах часовой вздрогнул, будто его ударило током, а у Тома сладко защемило в груди, тем более что смысл *кликухи* Харон – перевозчик мертвых – образованный Том, в отличие от Сани, Леша и часового, хорошо понял.

– Что у тебя за причина? Ты ж боец был стоящий, – (Том механически отметил это Лешино отчетливое *стоящий*, через *ю*), – мы с Саней тебя помним. Почему с такой мразью связался? Что тебя сюда кинуло-то?

– А то, мужики, – болезненно морщась, заговорил часовой, – что у меня сестра на руках – церебральный паралич с рождения. Руки-ноги, считай, не действуют. Родители умерли. Куда я с ней? А он ее в больницу хорошую поместил, в санаторий министерства обороны Украины в Евпаторию каждый год посылает – это с условием, чтоб я у него работал и язык за зубами держал.

Часовой помолчал.

– А когда я на первых еще порах рыпнулся, хотел вырваться от них – сказал, что меня не тронет, а ее – прикончит. Понятно? Ему это – семечки. А Харону – тем более.

Теперь молчали его однополчане.

– Причина серьезная, – сказал наконец Саня. – Но это дело порешать можно. Правда, Калуга?

Леша мотнул головой утвердительно.

– Как вы его порешаете? – вздохнул часовой.

– Разведка зря не болтает – забыл, что ли?

И лицо часового впервые просветлело.

Видно стало, что в этот решительный миг он вдруг поверил своим давним однополчанам (сколько лет минуло? Пятнадцать, не меньше). И показалось ему, что его безрадостную жизнь еще можно переменить.

– Значит, говоришь, в городе все схвачено?

– Все, – убежденно сказал часовой и даже руки прижал к груди. – Все, братишки, честно вам говорю! Они и двух часов в милиции не пробудут – выпустят их. А там у них кодла –

нагонят вас и пришьют...

– Ну что ж, – с непонятым облегчением сказал Леша. – Обстановка ясна. Тут выбора тем более нет. Кроме нас эту наркокартель-канитель кончать некому. Так, что ли, Санек?

– Похоже, так, – готовно отозвался тот.

– Вы что, мужики, убивать их будете? А потом за них же сядем? – испуганно спросил часовой.

– Утри слезы, сержант. Мы не расстрельная команда. Хотя пустить этих двоих в расход я вообще-то не отказался бы. Но так и быть, возьмем живыми. Используя фактор неожиданности.

– А денем-то куда? Я ж вам нарисовал картинку!

– Найдем куда деть. Ты, Сань, помнишь ведь, кто в Омске на округе? – непонятно спросил Леша.

– Ато!..

– Ну, в общем, хватит лясы точить. Готовим операцию. – Леша взглянул на командирские часы на руке. На них было четыре двадцать. – По твоему раскладу, сержант, полчаса осталось?

Часовой мотнул головой.

– Они всегда точно подъезжают. Пока все спят еще.

– Как раз хватит, – Леша повернулся к Жене и Тому. – Все – в машину. Сейчас вас Саня оттянет в тыл – в тот вон переулок. Из машины – ни шагу! Услышите стрельбу – тут же падайте на пол, под сиденья. Уместитесь как-нибудь. Головы не подымать! Мячику своему голову *пригинайте*.

Литературным языком Леша владел хуже, чем рулем и Ка-
лашниковым.

И тут же пообещал:

– Вообще-то стрельбы не ожидается. Это я так, к слову –
мало ли...

Вслед за Саней Том с Женей побежали к «Волге». Мячи-
ка еле оторвали от огромного лохматого черного пса. Тот в
блаженстве лежал перед ним на спине, болтая всеми четырь-
мя полусогнутыми лапами, а Мячик чесал ему фиолетовое

голое брюхо, что-то приговаривая. Он мог приворожить любого пса, от маленькой шавки до кавказской овчарки-волкодава.

Глава 5

Ближний бой

Саня отрулил машину далеко вглубь заросшего травой переулка – приняв во внимание не только соображения безопасности, но и дальность полета звуков нецензурной речи. Неизвестно, как насчет стрельбы, но в том, что в предстоящей схватке такая речь прозвучит, причем на самой высокой ноте, он не сомневался.

Леша тихо переговаривался с часовым, резал воздух ребрами больших ладоней, показывая предполагаемое направление движения своих немногих боевых единиц. И тот согласно кивал головой. В памяти обоих одновременно всплывали давние навыки ближнего боя. Потом часовой сбегал куда-то и принес моток крепкой веревки. Леша и Саня еще помахали друг перед другом руками, репетируя предстоящую сцену.

Вскоре все трое бесшумно исчезли в кустарнике.

Поселок продолжал спать. Словоохотливая бабка давно скрылась в доме и, скорее всего, тоже досыпала, утомленная своей политической лекцией. Только мальчик тихо играл в глубине двора с псом.

Вскоре в чаще послышался неясный шум. Через несколько минут к опущенному шлагбауму подплыл, покачиваясь,

черный «форд», мрачно поблескивая тонированными стеклами. Погудел, подождал и еще погудел. Часового не оказалось на месте, и подымать шлагбаум никто не думал. Правая дверца открылась, из нее вышел (на это, заметим, и рассчитан был Лешин план операции) плечистый, очень коротко стриженный мужчина в черной футболке с длинными рукавами. Поверх футболки надета была черная же кожаная безрукавка со множеством молний, казавшаяся надутой. Под ней даже неопытным глазом угадывался бронежилет. Экипировку довершала расстегнутая кобура на поясе. Оттуда торчала ручка большого пистолета.

Плечистый сделал несколько осторожных шагов к шлагбауму.

– Эй! – крикнул он. – Ты где, козел?

Тут левая дверца машины слегка приоткрылась.

Если бы впоследствии нашлись очевидцы, наблюдавшие всю сцену с начала до конца (а таковых, мы вам ручаемся, не было), они поклялись бы на любом суде, что оказавшийся в тот же момент у левой дверцы Леша вырос из-под земли. Поскольку не имелось никакого другого варианта его внезапно-го появления у машины, отделенной от густого кустарника довольно обширной лужайкой.

Леша рванул дверцу, а левой рукой сдавил горло сидевшему за рулем человеку — и так, за горло, выдернул его из машины. (Своевременным будет пояснить, что Леша был левшой. Но и правая рука работала у него не хуже, чем у нас с вами.)

В тот же миг плечистый выхватил Макарова из кобуры и направил на два тесно сплетшихся и молча ломавших друг друга тела. Однако целиться в них в данный момент, как всякому ясно, было совершенно бессмысленно. И тут же из кустарника — из того самого места, что и несколько часов назад, — высунулось черное дуло Калашникова и голос часового крикнул:

— Не дергайся, Харон, — ты у меня на мушке!

Не успели эти слова отзвучать, как плечистый упал на землю и открыл огонь по кустарнику. И сразу же автоматная оче-

редь взрыла фонтанчики земли перед его носом. В следующий миг, тоже неизвестно откуда, с диким криком выпрыгнул Саня и ногой выбил Макарова из рук плечистого.

Кувырнувшись через голову, плечистый пружинисто вскочил и присел на полусогнутых, широко расставив руки. Лицо его с ощерившимся ртом было страшно и очень мало напоминало лицо человека.

– Пор-рву! – прохрипел он.

В такой же точно позе напротив него оказался Саня.

В следующую секунду он кинулся на Харона с хриплым, тоже мало напоминавшим человеческий голос воем попеременно с короткими выкриками.

Занятые друг другом, они не видели, что по ту сторону джипа Леша с часовым уже вязали Хозяина.

Саня справился с Хароном один.

Через пять минут оба негодяя были упакованы.

Все произошло даже немного быстрее, чем по расчету Леша.

А минут через двадцать, перекидав все продукты из джипа (это был, напомним, «форд» – с кабиной, отделенной от вместительного кузова) в будку часового, на дно кузова положили обоих связанных веревками пленников. Харон молчал, а Хозяин, не переставая, изрыгал страшные проклятия, поэтому пришлось залепить ему рот пластырем. И, расспросив Часового про дорогу, Саня с Лехой выехали на «форде» на тот самый проселок, по которому миновавшей ночью

въезжали на «Волге» на территорию победившего социализма.

Часовой же вместе с «Волгой» (и наскоро написанной доверенностью на нее) и тремя путешественниками остался в поселке – до особого распоряжения. В Омске пока ему делать было нечего и, сказать честно, вообще появляться не стоило. Сначала Саня и Леша должны были, если употребить их любимое слово, порешать его судьбу. Ведь так или иначе – он на много лет оказался связанным с наркобизнесом, хотя и не по своей воле.

Мячик радостно побежал к уже заскучавшему без него псу. Женя с разрешения Часового пошла в лес, верней, на опушку – вернуться наконец к давно забытым тренировкам. А у Тома имелись свои очень важные планы.

Глава 6

У военкома

Военком Омской области генерал-майор Анатолий Аверьянович Пономарев в восемь утра находился, как всегда, на рабочем месте.

Светлый кабинет был уже залит солнцем. Генерал-майор, входя, обычно первым делом раздергивал белые шторы, которые поздно вечером всегда аккуратно задергивала уборщица. Он считал, что солнечный свет никому, кроме людей с больными глазами и преступников, ищущих темноты, мешать не может. У нормальных, здоровых людей он только вызывает приток энергии, которая с утра каждому нужна.

Конец вчерашнего дня оставил в душе у генерал-майора гадкий осадок, и осадок этот тотчас поднялся со дна, как только Пономарев сел за стол и механически переставил маленький бюстик Лавра Корнилова – выпускника Сибирского кадетского корпуса.

Пришедший вчера в последний рабочий час на прием «афганец» рассказывал, что проделали в райвоенкомате с его единственным сыном. У того с малых лет медленно, но верно развивалась конечностно-поясная атрофия мышц (военком давно уже освоил все названия болезней «белобилетников»). Мать, способный физик, бросила работу, чтобы по-

могать учиться сыну, оказавшемуся еще более способным. На костылях, с неработающей правой рукой, парень окончил школу с медалью. Чтобы сдавать экзамены в Омский университет, он должен был получить соответствующую справку в военкомате – этот самый «белый билет». Отец мог пойти на медкомиссию сам, один, просто со справкой о слишком очевидной и неизлечимой инвалидности, но повез сына с собой – на всякий случай. Там их стали посылать в инстанции в разных концах города, откровенно вымогая взятку у инвалида на костылях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.